

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 3–4 (40–41), pp. 105–113. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-105-113

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ ПРАКЫПЧАКСКОЙ ФОНЕТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАМЕТОК ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА ПРОФ. К.М. МУСАЕВА)

*Роза Абдуманоповна Тадинова*¹

¹ Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор
E-mail: tadinova@inbox.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Тадинова Р.А., 2023

Аннотация: В статье представлен анализ неопубликованных заметок профессора К. Мусаева, сохранившихся в его научном архиве и посвященных пракыпчакской фонетической системе. Известно, что по некоторым вопросам реконструкции пракыпчакских и в целом пратюркских фонетической, морфологической и синтаксической систем ученый имел собственную точку зрения, которая часто шла вразрез с общепринятыми взглядами. В данной статье рассматриваются некоторые его спорные воззрения относительно системы вокализма и консонантизма древнекыпчакского языка.

В архиве ученого сохранились записи, касающиеся всей структуры пракыпчакского языка, анализ которых не только демонстрирует точку зрения ученого на некоторые вопросы становления и развития и кыпчакских языков, и тюркских языков в целом, но и может послужить источником дальнейших новых интересных исследований.

Ключевые слова: пракыпчакский язык, пракыпчакская фонетика, тюркские языки, система вокализма древнекыпчакского языка, система консонантизма древнекыпчакского языка.

Для цитирования: Тадинова Р.А. Интерпретация некоторых явлений пракыпчакской фонетики (на материале заметок из научного архива проф. К.М. Мусаева) // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40–41). С. 105–113. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-105-113.

Interpretation of some Pre-Kypchak phonetics phenomena (based on the scientific notes of professor K.M. Musaev)

*Roza Abdumanapovna Tadinova*¹

¹ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

Dr. Habil. in Philology, Professor
E-mail: tadinova@inbox.ru

© IL RAS, 2023
© Tadinova R.A., 2023

Abstract: The article presents an analysis of unpublished notes of Professor K. Musaev dedicated to the Pre-Kypchak phonemic system. It is known that the scientist had his own point of view regarding some issues of the reconstruction of the Pre-Kypchak and the Proto-Turkic phonetic, morphological and syntactic systems, which was often contrary to accepted views. This article examines some of his controversial views regarding the system of vocalism and consonantism of the ancient Kypchak language.

The scientist's archive contains records concerning the entire structure of the Pre-Kypchak language, the analysis of which not only demonstrates the scientist's point of view on some issues of the formation and development of both the Kipchak languages and Turkic languages in general, but can also serve as a source of further new interesting research.

Key words: Pre-Kypchak/Kipchak language, Pre-Kypchak/Kipchak phonetics, Turkic languages, vowel system of the ancient Kipchak/Kipchak language, consonant system of the ancient Kypchak/Kipchak language.

For citation: *Tadinova R.A.* Interpretation of some pre-Kypchak phonetics phenomena (based on the scientific notes of Professor K.M. Musaev) // *Russian Turkology*. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. 105–113. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-105-113.

Введение

Исследование языков кыпчакской группы стало одним из главных направлений научной деятельности проф. К. Мусаева. Как представитель и носитель одного из языков данной группы, а также владевший еще несколькими тюркскими языками, он хотел в своих трудах осветить все периоды и языковые уровни становления и развития кыпчакских языков. Много из задуманного было реализовано им в коллективных монографиях¹, в многочисленных статьях и авторских монографиях. В последние десять лет он упорно работал над созданием серии монографических трудов, посвященных реконструкции языковой структуры одной из ветвей тюркских языков после распада пратюркского языка-основы – пракыпчакского языка, начиная с фонетической системы, заканчивая синтаксисом. Так, в 2010 г. в свет вышла монография «Морфология пракыпчакского языка» и в 2017 г. – монография «Кыпчакские языки». На сегодняшний день остались научные записи ученого², касающиеся всей структуры пракыпчакского языка, анализ которых, как нам представляется, во-первых, покажет иную, чем общепринято сейчас, точку зрения на некоторые вопросы становления и развития как кыпчакских, так и в целом тюркских языков, а во-вторых, может дать толчок новым интересным исследованиям.

¹ СИГТЯ 2001 – Разделы: Небесные тела и небесная сфера; Отношения по родству и свойству; Социальные отношения; Война. Оружие; СИГТЯ 2002 – Раздел: Кыпчакская группа (Введение, Консонантизм, Гармония звуков, Морфология); СИГТЯ 2006 – Разделы: Представления о небе и небесных явлениях; Климат; Материальный быт; Одежда; Война. Оружие; Социальная организация; Родство и свойство.

² В статье цитаты из записей К.М. Мусаева приводятся в кавычках.

В данной статье хотелось бы остановиться на интерпретации К. Мусаевым некоторых явлений пракрыпчакской фонетики, которая не всегда совпадает с общепринятыми взглядами тюркологов. Отметим, что отдельные исследования по древнекыпчакской языковой системе ученый успел опубликовать в своей последней монографии «Кыпчакские языки» [Мусаев 2017].

Результаты и обсуждение

1. Общая характеристика пратюркского языка

К.М. Мусаев считал, что «тот язык, который принято считать древнейшим “тюркским” языком, по своему фонетическому, морфологическому, синтаксическому и лексико-семантическому строю представляет собой древнекыпчакский язык. Другие группы языков: огузская, карлукская, хакасо-тувинская и особо стоящий отдельно от всех других кыпчакских и вообще тюркских языков чувашский язык отражают их позднее развитие на базе (субстрате) древнекыпчакского языка». Ученый считал, что подобная гипотеза дает основание переименовать «пратюркский» язык в «пракыпчакский» язык, поскольку эти языки идентичны.

«Отнесение языка древних тюркских памятников к огузским языкам – традиционно распространенное явление, возникшее в начале становления тюркологии как науки – со времен первых тюркологов, рассматривавших отношение языка памятников к современному турецкому языку, наиболее известному на Западе тюркскому языку. Также распространено было мнение о том, что все известные родственные тюркские языки – диалекты или говоры турецкого языка. Им еще не были доступны материалы других тюркских языков, особенно – кыпчакских. Это и определило возникновение и укрепление определенной точки зрения на тюркские языки, продолжающейся донине. Такая точка зрения не закреплена достаточными лингвистическими аргументами и, как правило, больше носит декларативный характер. Если первые тюркологи исследовали бы язык древнетюркских памятников, сравнивая их отношение к другим группам тюркских языков, особенно – к кыпчакским языкам, явно сложилось бы иное мнение». То есть причиной зарождения такого мнения был человеческий фактор. В подтверждение своей гипотезы К. Мусаев приводит один интересный факт: «В текстах древних тюркских рунических памятников упоминаются герои, ходившие войной против племен огузов, карлуков, табгачей, но в них нет упоминания о походах против кыпчаков. Это свидетельствует о том, что действующие лица памятников были представителями кыпчакских племен и говорили на древнекыпчакском языке» [Мусаев 2017: 24].

Такая гипотеза имеет свою логику, если учесть национальный менталитет, национальную черту характера тюркских народов – больше говорить о победах, достижениях, чем о поражениях, больше восхвалять своих героев. Добавим также, что для верификации той или иной гипотезы в качестве доказательной базы целесообразно использовать не только лингвистические данные, но и данные археологии и этнографии.

2. Система вокализма

Относительно системы вокализма древнекыпчакского языка К. Мусаев утверждал, что «все восемь гласных фонем имеют разные многочисленные аллофоны, тогда как некоторые тюркологи нередко принимали аллофоны за фонемы и на этой основе нередко делали неверные выводы о классификации древних и современных тюркских языков». Данные фонемы сохранились в неизменном виде в современной разговорной речи носителей кыпчакских языков.

Таблица гласных

	негубные		губные	
узкие верхнего подъема	<i>y</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ï</i>
широкие низкого подъема	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ö</i>

Эти черты характерны для большинства живых кыпчакских языков, а также части огузских языков, не подвергшихся сильному иранскому влиянию.

Ученый считал, что «нет оснований рассматривать древнекыпчакский гласный звук-фонему *e* (обозначаемый обычно знаком *e*) в качестве фонетического варианта фонемы *ä*, поскольку последний в древнекыпчакском и в древнетюркских языках отсутствовал. Девятая гласная фонема *ä* в кыпчакских языках, так же как и в других тюркских языках, появилась значительно позже». В свое время К. Мусаев об этой фонеме написал отдельную статью [Мусаев 2004]. В последней монографии [Мусаев 2017: 24] и в оставшихся научных записях есть реплика, что 9-я гласная *ä* не имеет значения в процессе гармонии звуков как другие гласные фонемы. Думается, такое высказывание спорно, так как присоединяемые к словам с фонемой *ä* словоизменительные аффиксы получают мягкую переднерядную гласную, следуя закону сингармонизма, которому также подчиняются и другие переднерядные гласные, ср.: *än-der-im-iz-de-gi* ‘то, что содержится в наших песнях’ // *šeše-ler-im-iz-de-gi* ‘то, что имеется у наших матерей’.

Ученый был не согласен с мнением некоторых исследователей о том, что «узкие гласные звуки *y*, *i* в рунических памятниках представляли собой единую фонему, это не приемлемо применительно к тюркским языкам с развитой небной гармонией звуков, ср.: *siz* ‘вы’, *syz* ‘сырость’, *kir* ‘грязь’, *qut* ‘хребет’, *pir* ‘один’, *pyr* ‘подражание вылету птицы’, *tyn-* ‘кончиться, успокоиться’ *tin* ‘жилка веревки’, *siñ-* ‘впитываться’, *syn-* ‘ломаться’ *tis/tiś* ‘зуб’, *tys/tyś* ‘наружная сторона» и т. д. В пользу данного мнения К. Мусаева хочется добавить еще один аргумент, что во многих тюркских языках данные фонемы являются смыслоразличительными, а это – важный признак для разграничения фонем и представления их как самостоятельных.

Мнение о том, что чередование широких и узких, передних и задних гласных в словах имело в древнетюркских языках значение как классификационный признак, К. Мусаев считал научно необоснованной декларацией. «Чередование гласных по разным другим параметрам является также естественным состоянием живой разговорной речи, особенно в эпоху отсутствия строгих правил орфографического и орфоэпического нормирования устной речи. Поэтому поиски в явлении чередования гласных по широте и узости и другим параметрам каких-то диалек-

тальных или тем более языковых отличительных признаков являются безрезультатными и научно не обоснованными».

О так называемых «первичных долгих гласных фонем» К. Мусаев говорил, что мнение об их существовании в древних тюркских языках требует основательных доказательств. «Обычно при “доказательствах” существования первичных долгих гласных фонем чаще речь идет о гласном *a* в анлауте. Однако по данным экспериментальной фонетики известно, что этот звук в начале кыпчакских и других тюркских слов в речи нередко удлинняется или приобретает начальный придыхательный призвук, а в конце слова в ударной позиции произносится как долгий гласный звук, что некоторыми тюркологами принимается за долготу. Все декларируемые «долготы» в тюркских языках с точки зрения фонологии нефонематичны, они представляют собой лишь акустическое явление речи. Написание гласных двойными буквами в некоторых случаях при дешифровке языка древних памятников, где не существовало строгих правил письма, отнюдь не означает, что это – первичная долгота гласных звуков. Обычно в вышеуказанных случаях так удлинено слышит и так пишет писец, особенно, если он не в совершенстве владеет тюркским или кыпчакским языком, как это нередко происходило. В период повального увлечения первичными долготами при «доказательствах» о существовании первичных долгот в пратюркском языке или древнетюркских языках, обычно ссылались на туркменский язык. Однако долготы в туркменском языке закономерно возникают в ограниченном количестве слов, противопоставляемых фонетически друг другу в исконных или заимствованных словах, или являются вторичными, возникшими в результате «износа» некоторых щелевых согласных. Также нефонематичны другие выделяемые тюркологами «долгие» звуки, которые являются позиционными вариантами или аллофонами восьми нормальных гласных фонем».

В поддержку данных рассуждений добавим, что в разговорной речи в зависимости от позиции фонемы в составе слова можно выявить множество вариантов одной и той же фонемы. Графические особенности обозначения звуков в древних памятниках могли исходить из свойств звуков, а не фонем, если отсутствовали строгие правила правописания по фонематическому принципу в современном понимании. Поэтому, возможно, передача некоторых звуков на письме – это отражение знаний, особенностей стиля конкретного писца.

Кроме того, ученый также отмечал, что вопрос о существовании первичных долгих фонем в древнекыпчакском языке отпадает еще и потому, что эти фонемы не имели смыслоразличительных функций. Здесь речь идет о работе Н.А. Кононова [Кононов 1980], в которой автор утверждает, что наличие первичной долготы в языке тюркских рунических памятников находит свое подтверждение в графике: долгий гласный \bar{a} обозначался, в то время как краткий гласный *a* специального обозначения не имел; в памятниках арабского письма («Диван» Махмуда Кашгарского) долгий гласный \bar{a} обозначался удвоенным элифом. По мнению К. Мусаева, гласные звуки – аллофоны гласных фонем в различных позициях в слове у разных личностей, иногда даже у одного и того же человека, как показывают экспериментальные исследования с техническими средствами, произносятся в речи с различной «долготой» в разных речевых ситуациях, эмоциях, такое явление происходит и в современных кыпчакских языках, и это не имеет фонематического значения.

3. Система консонантизма

Особое мнение К. Мусаев имел и в отношении некоторых явлений консонантной системы языка древнетюркского и, в частности, пракрыпчакского периода. Так, ученый отмечал, что «утверждение некоторых тюркологов о наличии в древних тюркских языках сильно смягченного варианта фонемы *n*, который встречается довольно редко в окружении заднерядных гласных и обозначается в рунических памятниках особым знаком *ñ* в примере *añuγ* ~ *anuγ* ~ *ajuγ* ‘дурной, злой’, противоречит основополагающему закону гармонии звуков в тюркских языках с древности, поскольку смягченный звук не применим в словах с заднерядными гласными звуками».

Он подчеркивает, что «количество и качество древних кыпчакских согласных звуков сохранились в современных кыпчакских языках. Исключение составляют некоторые языки, в которых древний смычный *q* в конце слова перешел в спирант *x* (например, караимский тракайский, карачаево-балкарский *ax* вместо *aq* ‘белый’). Но есть распространенное мнение о том, что *q* между двумя гласными в древних языках не озвончается, например, в слове *olurtuqynta* ‘когда он сидел на царском троне’». Ученый считает, что такое обозначение основано на правописании, а не на реальном речевом произнесении слов, приводя в качестве аргумента правописание в современном казахском языке названия республики: Казахстан (*Qazaqstan*), но никто так не произносит это слово, а произносят Қазағыстан (*Qazaǵystan*), т. е. с озвончением глухого *q > γ* между двумя гласными.

«Существует высказывание о том, что конечный носовой *η* в аффиксе принадлежности 2 лица прошедшего категорического времени и аффикса 2 лица принадлежности регулярно разлагается на свои составляющие *n+γ(g)*». К.М. Мусаев прав, говоря, что такое явление происходит в современном узбекском языке вследствие применения несовершенного письма. Ведь узбеки в местоимении *mening* ‘мой’, глаголах *kelding* ‘ты пришел’ / *keldingiz* ‘Вы пришли’ и др. произносят *ng* не разделяя, а как носовую согласную *η*: *meniη* ‘тебе’, *keldiη*, *keldiηiz*. Эти аффиксы имеют свою историю происхождения, где отсутствует сочетание подобных звуков. «Другое дело, например, с формой направительного падежа личных местоимений единственного и множественного числа, где носовой *η* может разлагаться на этимологические составные части *n+γ* или *n > g*, тат. *men+ge > mi-ηä* ‘мне’, *sen+ge > si-ηä* ‘тебе’ и т. д. В казахском языке согласные аффиксы в таком сочетании звуков поменялись порядком мест и произошла депалатализация гласных: *ma-γan*».

4. Закон сингармонизма

В научных записях К.М. Мусаева отражены его взгляды и на закон сингармонизма в тюркских языках. В частности, он полагал, что «в тюркологии традиционно часто подчеркивалась главенствующая роль гласного звука в сингармонизме и зависимость согласного от него в отношении палатальности/велярности и огубленности/неогубленности». Но, по его мнению, «это следует считать устаревшим взглядом на закон сингармонизма, поскольку слово как звуковой комплекс является единством гласных и согласных. Экспериментальные исследования взаимоотношения гласных и согласных показали сингармонистическое

единство гласных и согласных, хотя тюркологи еще не полностью освободились от представления определяющей роли гласных в сочетании их с согласными. Гласные в сочетании с согласными обычно выступают как формальный индикатор согласных по палатальности/велярности слога или слова, огубленности/неогубленности; а индикатором характеристики согласных по способу и месту образования выступают сами согласные». В подтверждение своих мыслей он приводит убедительный пример: «согласный *q* в слове *qol* – велярный и огубленный, индикатором чего выступает гласный *o*, сам по себе звук *q* характеризуется тем, что он является глубокозаднеязычным по месту образования и смычным по способу образования. Сингармонизм – есть свойство, модель всего слова, а не только фонетическое отношение аффикса к корню или основе, как иногда приходится слышать и читать».

Думается, что это все-таки спорное заявление ученого, оно убедительно по отношению к глубокозаднеязычным *q* и *ɣ*. Фонологически корневая и аффиксальная морфемы являются не совсем равноправными элементами в процессе гармонии звуков, где все-таки наблюдается зависимость характера звуков аффиксов от корня или основы, к которым эти аффиксы присоединяются.

В то же время в записях автор указывал: «обозначаемые в письме разными буквами в разных языках согласные звуки *q*, *ɣ* являются заднеязычными согласными и по закону сингармонизма сочетаются только с заднерядными гласными, их палатальные антиподы *k*, *g* – всегда мягкие и сочетаются с переднерядными гласными и т. д. Эти согласные оказывают соответствующее влияние на слоговую гармонию. Неучет разницы этого явления в письме и устной речи проявляется в тюркологии нередко в изображении невозможных по законам тюркских языков сочетаний звуков, в стремлении к оригинальности и самовыражению у некоторых авторов. Неразличение разницы письменной и устной форм языка широко распространенное явление при дешифровке языка древних и средневековых тюркских письменных памятников». Он отмечал, что можно встретить немало искажений, связанных с недопониманием закономерностей тюркских языков, что приводит к передаче невозможных с точки зрения законов тюркской звуковой речи сочетаний, например, сочетания типа *qi*, *qä*, *ɣii*, *ka* и т. д., когда по правилам должно быть *qu*, *qa*, *ɣu*, *kä*.

Несомненно, кыпчакские языки проявляют устойчивый консерватизм в отношении сингармонизма. Это объясняется тем, что они в течение многих веков территориально оставались в центральной части расселения тюркского этноса и имели не так много контактов с нетюркскими языковыми группами. Существовавшее письмо не оказывало сильного разрушающего влияния на гармонию звуков благодаря массовой неграмотности носителей языков, поскольку подавляющее большинство людей не умело читать написанный текст.

К.М. Мусаев полагал, что «первоначально в пракыпчакском языке гармония звуков в слове соблюдалась последовательно как в отношении небной (палатально-велярной), так и в отношении губной (по огубленности-неогубленности звуков) как, например, в современном кыргызском языке. С течением времени эти закономерности в кыпчакских языках понемногу начали разрушаться. При дальнейшем развитии кыпчакских языков сильно изменилась губная гармония, которая в современных языках имеет множество вариантов отклонения от первоначальной».

чальной закономерности. Наиболее устойчивой в кыпчакских языках оказалась палатально-велярная (небная) гармония звуков. Однако и она подверглась изменению и также стала нарушаться во многих современных языках под влиянием экстралингвистических (в основном – под влиянием неродственных языков) и лингвистических (например, словосложение, функционирование некоторых иноязычных аффиксовых) факторов.

Нарушение сингармонизма встречается в рунических памятниках во множестве случаев, большей частью по воле дешифровальщиков: *jaγysiz* ‘без врагов’ (КТБ, 30, М 24)³ должно быть *jaγysuz* или *jaγsyuz* и т. д. (подр. см., напр.: [Кононов 1980]).

“Кажущаяся” дисгармония происходит также с согласными, это – диссимиляция: ср. каз. *mal+dar* ‘скоты’ вместо ожидаемого (предсказуемого) “правильного” *mal+lar*, как в ряде кыпчакских языков, заимствование *mol-da* вместо первоначального заимствованного арабского и ожидаемого *molla/mulla* ‘мулла’ и т. д. В этом примере гармония-ассимиляция происходит по месту образования согласных звуков».

По мнению ученого, многие исследователи древних и средневековых тюркских письменных памятников, преувеличенно рассматривая доминирующую роль письменной формы языков, зафиксированной в изучаемых ими памятниках, над устной речью того времени, делают поспешный вывод о непоследовательности как губной, так и палатальной гармонии в языках того периода. Надо учесть, что «существующие письменные системы, руководствуясь своими принципами и правилами, созданными авторами – определенными людьми со своими пристрастиями, весьма часто не отражают и не могут отражать закономерности устной речи. Это явление наблюдается и в отношении современных языков и их письменностей. Например, в казахской письменности по существующей орфографии пишут: *қолы* – *qoly* вместо *qolu* ‘его рука’, *күші* – *küşi* вместо *küšü* ‘его сила’. На основе подобного написания в тюркологических исследованиях делается вывод о том, что в таких словах губная гармония не соблюдается. Однако в подобных случаях губная гармония не отражается в письменной речи, но она строго соблюдается в устной речи, где указанные слова соответственно произносятся [*qolu*], [*küšü*]]».

Заключение

Нам удалось здесь осветить взгляды К.М. Мусаева лишь на некоторые явления общетюркской фонетики, в частности, пракыпчакской. Полагаем, что дальнейший анализ записей ученого не только раскроет его взгляды и на другие аспекты кыпчакovedения и в целом тюркологии, но и послужит источником для новых научных исследований вопросов становления и развития тюркских языков на каждом их историческом этапе.

Литература

Кононов 1980 – Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. / Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. –

³ КТБ, 30, М 24 – Памятник Кюль Тегину, Большая надпись, Малов С.Е. ПДТП.

- 254, [1] с. {*A.N. Kononov*. The grammar of the language of the Turkic runic monuments of the 7th–9th centuries / The Academy of Sciences of the USSR, Institute of Oriental Studies. – Leningrad: Nauka, Leningrad department, 1980. – 254, [1] p.}
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с. {*S.Ye. Malov*. Monuments of the Old Turkic script. Texts and researches. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. – 452 p.}
- Мусаев 2004 – *Мусаев К.* О девятой гласной фонеме *ä* в древнетюркских языках рунических памятников и в пратюркском // *Түркология*. – 2004. – № 1. – С. 47–54. {*K. Musaev*. On the ninth vowel phoneme *ä* in ancient Turkic languages of runic monuments and in Proto-Turkic // *Türkologiya*. – 2004. – No. 1. – PP. 47–54.}
- Мусаев 2017 – *Мусаев К.М.* Кыпчакские языки: Монография. – М.: Языки народов мира: Тезаурус, 2017. – 423 с. {*K.M. Musaev*. The Kypchak languages: A Monograph. – Moscow: Yazyki narodov mira: Tezaurus, 2017. – 423 p.}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – Разделы: Небесные тела и небесная сфера; Отношения по родству и свойству; Социальные отношения; Война. Оружие. – М.: Наука, 2001. – Второе издание, дополненное. – 823 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexicon. – Parts: Celestial bodies and celestial sphere; Kinship and tribal relations; Social relations; War. Arms. – Moscow: Nauka, 2001. – The 2nd edition, extended. – 823 p.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – Раздел: Кыпчакская группа (Введение, Консонантизм, Гармония звуков, Морфология). – М.: Наука, 2002. – 768 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions. – Parts: Kypchak group (Introduction, Consonantism, Vowel harmony, Morphology). – Moscow: Nauka, 2002. – 768 p.}
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языкооснова. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – Разделы: Представления о небе и небесных явлениях; Климат; Материальный быт; Одежда; Война. Оружие; Социальная организация; Родство и свойство. – М.: Наука, 2006. – 908 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Pre-Turkic proto-language. Worldview of Pre-Turks according to the language data. – Parts: Perceptions of the sky and celestial phenomena; Climate; Material life; Clothes; War. Arms; Social organization; Kinship and tribal relations. – Moscow: Nauka, 2006. – 908 p.}